

АЛЕКСЕЙ МАНАЕВ

В СМЕРТНЫЙ БОЙ НЕ РАДИ СЛАВЫ...

Всякий раз, перечитывая “Василия Тёркина”, автору которого, Александру Твардовскому, вот-вот исполнится 111 лет со дня рождения, всё чаще и чаще задумываюсь над веяниями, появившимися в отечественной литературе в постсоветское время. Эти веяния превратились даже в своеобразный катехизис современной литературы, и главный его постулат: война в художественных произведениях должна соответствовать правде жизни.

Звучит вполне закономерно. Только вот что понимается под такой правдой? И вот оказывается, что. Правда войны – это обязательно человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока ещё льётся. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост, с открытыми глазами навстречу смерти. Это ключья шершавой солдатской шинели со сгустками крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана вся нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо разорванного снарядом солдата. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных “фронтовиков” и “окопников”.

Таковы они – литературные святцы ряда современных тружеников пера. Поборником такой правды о войне, особенно на закате своих дней, рьяно выступал Герой Социалистического Труда, лауреат двух Государственных премий СССР фронтовик Виктор Астафьев: “Ничего грязнее, жёстче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать... Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слёзы, иначе ничего от нашего брата не добьёшься”. С ним солидарна Нобелевский лауреат по литературе Светлана Алексиевич, выразившая своё представление о войне в сочинении “У войны не женское лицо”. Для Алексиевич чем больше страдания, тем больше “правды жизни”.

МАНАЕВ Алексей Васильевич родился в 1949 году в Уколовском районе Воронежской области (ныне Красненский район Белгородской области). Окончил отделение журналистики Казанского государственного университета и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат исторических наук. Работал в СМИ и на различных ответственных должностях в федеральных государственных органах. Государственный советник Российской Федерации I класса. Автор и составитель нескольких книг. Удостоен высоких государственных и общественных наград. Живёт в Москве.

Будет ли через полвека пользоваться спросом и авторитетом в читательской среде роман Астафьева “Прокляты и убиты” и творения Алексиевич, оценённые Нобелевской премией, где кровавое месиво клоками висит на каждой странице — большой вопрос. А написанный больше семидесяти лет назад “Василий Тёркин” до сих пор востребован. Загадка? Да ещё какая! Она сродни улыбке Моны Лизы — вечно меняющейся и вечно ускользающей. Попытки загнать поэму в жанровое стойло, назвав её эпическим полотном и тем самым объяснив популярность, мало что дают. Дело, в конечном счёте, не в жанре, не в количестве страниц и масштабности поэтического или беллетристического исследования. Порой несколько строчек (например, “Я только раз видала рукопашный...” Юлии Друниной) воистину *томов премногих тяжелей*.

Выходит, востребованность “Книги про бойца” как раз и объясняется тем, что написана она вопреки лекалам некоторых нынешних литературных эстетов. По крайней мере, очевидно: главный герой Тёркин — далеко не супермен, не богатырь сродни Илье Муромцу. Поэт пишет об этом без обиняков, что “парень сам собой // он обыкновенный”, что “красотой наделён // не был он отменной”, ростом же “не высок, не то чтоб мал”. Перед нами человек “не тот, что в сказке — // беззаботный великан, // а в походной запояске, // человек простой закваски, // что в бою не чужд опаски”. Иными словами, по физическим данным не один из многих, не Джеймс Бонд, не рыцарь без страха и упрёка, а, пожалуй, такой, как все. И это — очень важная особенность поэмы.

А теперь о поведении Тёркина на фронте. Присмотревшись, обнаруживаем, что Твардовский, будто предвосхищая призывы нынешней “литературной знати”, поступает ровным счётом наоборот. Солдатские перипетии не обойдены стороной. Мы видим, как “...столбом поставил воду // Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд. // Густо было там народу — // наших стриженных ребят... // И увиделось впервые, // Не забудется оно: // Люди тёплые, живые // Шли на дно, на дно, на дно...” Мы нутром чувствуем состояние бойца, переживающего очередной артиллерийский “сабантуй”: “Ты лежишь ничком, парнишка, // Двадцати неполных лет, // Вот сейчас тебе и крышка, // Вот тебя уже и нет”.

Но Твардовский ограничивает батальные сцены несколькими штрихами. И без того понятно, к чему ведут вражеские танковые атаки, артиллерийские обстрелы, налёты авиации. И без того ясно — любая война далека от пасторальных картин. Но даже в самых напряжённых батальных сценах мы не найдём астафьевского постулата: тыкать читателей, как котят, “в нагаженное место, в кровь, в гной, в слёзы”. Во-первых, рядовой труженик войны, советский солдат, в них не повинен. Для него война — не мать родна и даже не сварливая теща, а стихийное бедствие, апокалипсис. Во-вторых, стоит помнить о том, что поэма написана во время тяжелейшего испытания для всей страны. Тыкание в “нагаженное место”, в определённой мере уместное в послевоенное время, вряд ли поднимало бы боевой дух бойцов. Между тем, автор “Мечтал о существе чужде: // Чтоб от выдумки моей // На войне живущим людям // Было, может быть, теплей...”

Запомним это. Поэт избегает “натурализации” боёв, не стремится огоршить нас жёсткими и жестокими зарисовками с природы. Он показывает нутро войны изнутри человеческого естества — души. С этой точки зрения кровь и пот на поле брани — фронтовая правда, может быть, не самая страшная. С ней смиряются, понимая, что любая война без жертв, без пота и крови не обходится. Куда страшнее жутких сцен живущее внутри тебя, распирающее твоё естество понимание того, что враг цинично пограл всё, что тебе дорого и свято, что носишь в себе с пелёнок, с младых ногтей. Это невыносимо — не чувствовать себя на родной земле хозяином, оставляя её пядь за пядью. Это невыносимо — пробираться к родному дому, к жене и детям, которые тебя не узнают, так, будто тать крадётся к наживе, и вороватой украдкой покидать семейное гнездо, переночевав и нарубив дров. Это невыносимо — предполагать, что, возможно, уже завтра здесь окажутся захватчики, и будут родные ходить сторонкой, боком, по улочке своей, потому что оккупанты диктуют: “Жить живи, дышать не смей”. Это невыносимо, — пройдя тысячи километров к родному дому, освобождённому от немцев, вдруг обнаружить: ни деревни, ни родного гнезда, ни родных — никого не осталось, “служивый — достоверный сирота”. Примостившись на краю сухой канавы, боец “с горькой, детской

дрождью рта, // Плакал, сидя с ложкой в правой, // С хлебом в левой, – сирота. // Плакал, может быть, о сыне, // О жене, о чём ином, // О себе, что знал: отныне // Плакать некому о нём”.

И возникает вопрос к этому самозванцу, который хозяйничает в твоём доме, издеваясь над стариками, женщинами и детьми.”Кто ты есть, // Что должны тебе в России // Подавать мы пить и есть?.. Кто ж ты есть? Мне толку нету, // Чей ты сын и чей отец. // Человек по всем приметам, // Человек ты? Нет. Подлец!”

И рождается, с каждым днём крепнет понимание: освободиться от диктатора подлеца можно одним путём – через войну, через схватку с врагом, через победу. Поэтому “Книга про бойца” – не описание войны как таковой. Это стремление проследить рождение подвига на войне, стремление одновременно указать путь к нему и объяснить его. Кажется мне, что Твардовский во имя главной цели осознанно обошёл стороной битву под Москвой, Сталинградскую и Курскую битвы, другие “громкие” операции. Потому что держать фронт надо было везде: и в безымянном болотце, и на речной переправе, и у заштатного сельца Борки. Тут у каждого – свой Сталинград и Курск. Солдат воюет не во имя заморских пляжей и блюд с омарами. А за то, “чтобы с лаской, хоть не детской, // Вновь обнять старуху мать, // Не под проволокой немецкой // Нужное было проползать... // Чтоб сердечным разговором // С земляками встретить день – // Не нужда была, как вору, // Под стеною прятать тень”.

Иными словами, идти в бой за Родину, которую терять “никак нельзя”. Поэт не утверждает, будто это лёгкая прогулка. Не однажды рефреном звучит: “Страшный бой идёт, кровавый, // Смертный бой не ради славы, // Ради жизни на земле”.

Дилеммы тут нет. Лично тебе доверен факел жизни, лично ты за него ответственен, и лично тебе его нести по полю, где господствуют большие и малые “сабантуи”. Никто не даст гарантии, что страна, семья не потеряют тебя. Но это не жертва, это самопожертвование.

С другой стороны, поэт далёк от того, что в бою воина непременно поджидает небытие. Твардовский говорит: посмотри на Тёркина. Он такой же, как ты, он одной крови с тобой. Он прошагал дорогами войны полстраны на Восток, и пол-Европы на запад, не однажды был ранен, и не однажды окружён. Но именно он наблюдает, как из одной тюрьмы глухой “по домам идёт Европа, // пух перин над ней пургой”. Это не подарок судьбы. Это отвоёванное у судьбы право. Ах, что за воин, этот Тёркин! Он расчётлив и одновременно беспечен. Он храбр до безрассудства и одновременно рассудочен. Он потешен, лукав и одновременно суров, твёрд, как кремль. Из племени тех, кто считает: “Пусть ты чёрт. Да наши черти // Всех чертей // В сто раз чертей”. Ну, как не походить на него, как не брать с него пример?

Может быть, скажет иной читатель, в войну и нужны были заповеди Тёркина, а сейчас-то какой в них прок? А что, возражу я вам, разве сейчас нам не приходится решать дилемму – выходить ли на бой с обстоятельствами, с недругами за достоинство страны, семьи, за личное достоинство? И когда ты помнишь о Тёркине, решать эту дилемму куда как проще. Да по сути её и нет. Потому что ты в строю избранных, в строю тех, кого слово Отечество приводит в трепет.

Твардовский вольно относился к жанровой принадлежности многолетнего труда, называя его то поэмой, то “Книгой про бойца”, то повестью, то сказкой, и подчёркивал, что в любой ипостаси “Василия Тёркина” он, автор, старался облегчить дороги победы солдату.

Мне больше по душе определение “сказ”, хотя, возможно, с теоретической точки зрения и оно неверно. Оно заставляет думать о великом предназначении искусства вообще и литературы в частности.

Дело ведь в том, чтобы не заместить реальную жизнь благостными идиллическими картинками, иллюзорными представлениями, навязчивыми фантазмагориями. А в том, чтобы вызвать жажду к жизни в “натуральном” её облики, пробудить надежду на достойную жизнь, уверовать в её возможность не в качестве манны небесной или милостыни, а в качестве личной победы над обстоятельствами. Может быть, этой способностью вдыхать жажду жизни в читателя и дорога нам “Книга про бойца”?